

УДК 1 (045) (470+571)

«Русская идея» кающегося аристократа. Н.А. Бердяев

Продолжение. Начало см. в № 3 (15) 2014 г.

КОВАЛЕВ-СЛУЧЕВСКИЙ КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ, профессор Института журналистики и литературного творчества, член Общественного совета Министерства культуры РФ, писатель, историк. E-mail: kkovalev@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты биографии философа и публициста Н.А. Бердяева, а также его отдельные философские взгляды и теории, в первую очередь – развитие им понятия «русская идея», сыгравшего немалую роль в становлении как религиозной философии, так и (в последнее время) политической мысли России. Статья написана на основе западных публикаций, в которых отражены мнения и выводы сподвижников Н.А. Бердяева, тех, кто знал его лично, разделял его взгляды или высказывал иную точку зрения. Рассматривается и то, как Бердяев развил идею свободы, изначально предшествующей бытию и Богу, выдвинул идею творчества, исходящего из изначальной свободы и из нее формирующего бытие, развил антропологическую идею о человеке-личности, воплощающем собой творческую потенцию свободы, широко осветил и по-своему рассмотрел идею истории как форму существования творческой личности, обладающей свободой. Статья посвящена тому, как Бердяев противопоставляет идею и философию свободы несвободе (необходимости), пассивности, безличной реальности (коллективизму), хаосу (отрицанию смысла истории), природе (натурализму). Осмысляется его «персонализм» – обостренное чувство самого себя, ценности личности и восприятия мира через себя, ставшее этическим кодексом Бердяева.

«Русская идея» Бердяева рассматривается как стремление найти и оправдать саму «идею идеи», даже если сформулировать ее однозначно не представляется возможным. Отдельное внимание уделено эсхатологии Бердяева, «завязанной» на проблеме итога, конца, результата как для человека, так и для всего мира. Прослеживается его философское решение проблемы Апокалипсиса, размышления об оправдании христианства как духовной и исторической силы и каждого человека как Божьего сына и носителя изначальной свободы, оправдывающей его. Особое место отводится выявлению основ философии истории, культуры, религии Бердяева, а также развитию им философии человека – антропологии.

Ключевые слова: антропология; Бердяев; идеология; персонализм; политический прогноз; религиозно-философская мысль; русская идея; русская эмиграция; третий путь; христианский универсализм; эсхатология.

The «Russian Idea» of a Repentant Nobleman. N.A. Berdyaev

KONSTANTIN P. KOVALEV-SLUCHEVSKIY, Professor, Institute of Journalism and Creative Writing, a Member of the Public Council of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Writer, Historian. E-mail: kkovalev@mail.ru

Abstract. This article considers some aspects of the biography of the philosopher and publicist N.A. Berdyaev, and also his particular philosophical views and theories, primarily the development of the concept of «The Russian idea», which played a considerable role in the formation of religious philosophy, and (recently) the political thought of Russia. The article is written on the basis of Western publications, reflecting the opinions and conclusions of N.A. Berdyaev's associates, those who knew him personally, shared his views or expressed a different point of view. The article also discusses the way Berdyaev developed the idea of freedom, initially prior to the Being and God, put forward the idea of creativity emanating from the original freedom and forming the Being, developed the anthropological idea of a human being -personality, embodying the creative potential of freedom, widely covered and considered in his

own way the idea of history as a form of existence of a free creative personality. The article is devoted to Berdyaev's way of opposing the idea and the philosophy of freedom and non-freedom (necessity), passiveness, impersonal reality (collectivism), chaos (the negation of the meaning of history), nature (naturalism). His «personalism» is considered a heightened sense of self, values and personality perception of the world through himself, that became a code of ethics of Berdyaev.

«The Russian idea» by Berdyaev is considered as the desire to find and justify the very «idea of the idea», even if to formulate it clearly is not possible.

Special attention is paid to Berdyaev's eschatology, «tangled» on the issue of the outcome, the end result for the individual and for the whole world. The article traces his philosophical solution of the Apocalypse, reflections about the justification of Christianity as a spiritual and historical force and of each person as the son of God and the bearer of the original freedom justifying him. A special place is given to reveal the foundations of the philosophy of history, culture, religion of Berdyaev, as well as the development of his philosophy of a human being – anthropology.

Keywords: *anthropology; Berdyaev; ideology; personalism; political forecast; religious and philosophical thought; the Russian idea; Russian emigration; third way; Christian universalism; eschatology.*

В одном из разговоров с дипломатом о возможном возвращении он скажет прямо и безапелляционно: «Когда я узнаю, что все мои книги, написанные здесь, в эмиграции, распространяются в России, продаются свободно в книжных магазинах и лежат на открытых полках в библиотеках, тогда я вернусь» [1, с. 273]. Это значит, что доживи Бердяев до наших дней, т.е. до возраста более 100 лет — сейчас ему, по его собственному утверждению, пришлось бы раздумывать о возвращении.

Впрочем, появились причины прекратить неофициальные переговоры о встрече с родной землей. Непосредственным виновником этого стал... А.А. Жданов, подписавший знаменитое устрашающее постановление, громившее многих советских литераторов. Бердяев, узнав о постановлении, отреагировал немедленно, напечатав большую статью в одном из номеров парижских «Русских новостей», где выступил в защиту А. Ахматовой и М. Зощенко. «Оружие свободных людей есть свободное слово», — повторит он слова И.С. Аксакова. Это очередное его обращение к «русской идее», к русским мыслителям прошлого в связи с днем сегодняшним было действенным, живым.

После этой публикации дальнейшие разговоры о возвращении стали невозможны...

В это самое время на прилавках парижских магазинов появилась выпущенная на русском языке в YMCA-PRESS, издательстве, которое стало по-прежнему функционировать после войны, новая книга Бердяева — «Русская идея». Она была встречена с громадным интересом. И друзья,

и недруги — все прочли ее, находя и ошибки, и неточности, и некоторые дилетантские рассуждения в области истории России, в чем-то не соглашаясь с ним, но в то же время отдавая дань автору, дерзнувшему снова поднять вопросы историко-культурной преемственности и дальнейшего развития русской религиозно-философской мысли.

«Две книги, написанные в течение военных лет, были изданы перед его смертью — «Русская идея» и «Опыт эсхатологической метафизики». Первая, одна из наиболее систематизированных работ Бердяева, блестящий очерк русской мысли девятнадцатого и начала двадцатого века. Никто из стремящихся понять Россию не увидел ее так», — писал Дональд А. Лоури.

Через год книга увидела свет в Лондоне на английском языке и стала доступна всему англоязычному миру. А позднее — на многих других, в том числе и на японском.

Европейскому читателю снова представилась возможность познакомиться с ретроспективным взглядом на «русскую идею». Недаром писал современник: «Характерной и основной чертой мировоззрения Бердяева является его подлинный христианский универсализм, как бы унаследованный им от Владимира Соловьева ... Синтетическая сила построений Бердяева чрезвычайно велика; в каком-то музыкальном аккорде, не подавляя и не диссонировав один с другим, звучат в нем мотивы, которыми жило русское сознание; оттого на Бердяеве можно проследить влияние самых различных русских мыслителей, что не мешает ему сохранять свою оригинальность» [2, с. 263].

«Русская идея» не была совершенно новой работой для Бердяева. В этой книге с особенной показательностью воплотилась его вышеуказанная «повторительность». Фактически подавляющее большинство прежних своих мыслей он просто систематизировал и перенес, вернее, собрал их в этом издании снова. Здесь итоговая мысль Бердяева более отточена и, в сравнении с подобными ранними публикациями, наиболее лаконична. Недаром он сам писал о «Русской идее» как об одной из тех книг, которые «лучше выражают мое философское мирозерцание, чем прежние книги...».

Источниками книги можно непосредственно назвать многие его статьи в дореволюционной, советской и эмигрантской периодике, другие книги и публикации. Среди них — «Духовный кризис интеллигенции» (1910), «Александр Степанович Хомяков» (1912), «Душа России» (1915), статьи из сборников «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918), статья «Русская религиозная идея» из сборника «Проблемы русского религиозного сознания» (1924), а также книги «Судьба России» (1918), «Смысл истории» (1923), «Мирозерцание Достоевского» (1923), «Константин Леонтьев» (1926), «Истоки и смысл русского коммунизма» (издание на французском языке — 1938, на русском — 1955) и одновременно заканчиваемую книгу «Самопознание» (первое, неполное издание — 1949, полное — 1983), а также многие иные.

Еще только начав публиковаться и обратившись к духовному пути А. С. Хомякова, Бердяев заглянул в русский XIX в. и увидел в нем многие корни и источники происходящих в современном ему мире процессов. Жизнь Хомякова предоставила Бердяеву возможность еще раз проанализировать общественное движение в России, размышления славянофилов и западников о судьбах ее, постепенное перерождение их благотворного творческого диалога в более социальные доктрины, породившие преобразовательную неудержимость, с одной стороны, и консервативную иллюзорность, с другой.

В «Проблемах идеализма» Бердяев вместе с другими искал некоторые новые пути для определения и решения задач общественного движения.

«Вехи» углубили внимание Бердяева к проблеме личности в России и ее роли в установлении и укреплении общественных форм.

Сборник «Из глубины» создавался в 1918 г., на «горячих углях» революционной перестройки, хотя увидел свет лишь в 1921 г. (статья Бердяева, вошедшая в сборник, — «Духи русской революции» была все же опубликована в 1918 г. отдельно в «Русской мысли»). В предисловии к переизданию редчайшего сборника, один из двух сохранившихся экземпляров которого хранился в эмиграции у самого Бердяева, в 1967 г.

Никита Струве писал: «Менялись с годами взгляды некоторых авторов, в частности того же Бердяева, но революционная действительность оставалась поразительно верна их оценке и описанию». Позднее, в «Русской идее», Бердяев во многом процитирует свою статью в сборнике «Из глубины», где он разбирал образы национальной жизни у великих русских писателей — Гоголя, Достоевского, Льва Толстого. «Долгий исторический путь, — писал он в самом начале статьи, — ведет к революциям, и в них открываются национальные особенности даже тогда, когда они наносят тяжелый удар национальной мощи и национальному достоинству». «Старая Россия, — заключал Бердяев, — в которой было много зла и уродства, но также много добра и красоты, умирает. Новая Россия, рождающаяся в смертных муках, еще загадочна».

Написанный еще ранее, в связи с началом Первой мировой войны, весьма поэтичный этюд «Душа России» (впервые вышел отдельной книгой в Москве в 1915 г.) вошел позднее целиком в книгу «Судьба России», которая увидела свет в сложное для книгоиздания время и именно поэтому имеет своеобразную библиографическую редкость. Большинство других статей из «Судьбы России» были соответственно опубликованы с 1915 по 1917 г.:

- «О вечно-бабьем в русской душе» — появилась впервые в «Биржевых ведомостях» в январе 1915 г.;
- «Война и кризис интеллигентского сознания» — там же и тогда же, но в июле;
- «Темное вино» — там же, в том же году, в октябре;
- «Об отношении русских к идеям» — в «Русской мысли», январь 1917 г.;
- «Конец Европы» — «Биржевые ведомости», июнь 1915 г.;
- «Задачи творческой исторической мысли» — там же, в декабре 1915 г.;

- «Судьба Парижа» — одна из ранних в этом сборнике, там же, в ноябре 1914 г.;
- «Религия германизма» — там же, в июне 1916 г.;
- «Движение и неподвижность в жизни народов» — там же, в мае 1916 г.;
- «О частном и историческом взгляде на жизнь» — там же, в сентябре того же года;
- «Об отвлеченном и абсолютном в политике» (в сборнике название статьи несколько изменено) — там же, в августе 1915 г.;
- «Слова и реальности в общественной жизни» — там же и тогда же;
- «Дух и машина» — там же, в октябре 1915 г.

Этот неполный перечень говорит о том, какой подход к составлению книги избрал автор. Она не являлась сиюминутным откликом на события, происходившие в стране в 1918 г., когда книга увидела свет. Напротив, дописав отдельные статьи для сборника, Бердяев словно бы выступал с позиций последовательного ретроспективного анализа и оценки сложившейся ситуации, революционных преобразований, возможных перспектив общественного переустройства.

Начинал он с общих рассуждений о России, переходил к болевым проблемам опутавшей Россию войны, а заканчивал насущными задачами политики, общественной и социальной жизни.

Книга увидела свет быстро. Тираж ее был в значительной степени ограничен. Выпущенная на желтой, очень плохого качества бумаге, она предварялась краткой справочкой, тщательно вклеенной в часть тиража перед титульным листом: «Книгоиздательство извиняется перед автором и читателями, что выпускает настоящее издание в таком малопривлекательном виде. Но цены на бумагу и типографские работы дошли до пределов, явно угрожающих русскому просвещению, и единственная возможность сделать книгу более доступной по цене широкому кругу читателей — это понижение требований к ее внешности».

И в самом деле, быть может, это издание с едва читающимся шрифтом было единственным в своем роде за всю жизнь автора...

Книга увидела свет в апреле-июне 1918 г. Чуть ранее то же издательство «Леман и Сахаров» выпустило небольшую книжечку Бердяева «Кризис искусства», представляющую из себя также сборник статей. Таким образом, из

крупных книг, посвященных вопросам социально-политического и философско-исторического плана, «Судьба России» стала последней книгой Бердяева, опубликованной на родине. Ибо «Философия Достоевского» (1921) и «Конец Ренессанса» (1922), выпущенные в Петрограде, уже не имели столь решающего и этапного значения, как сборник статей 1918 г. — более объемный и по составу, и по содержанию.

Бердяев, выпуская эту книгу в свет, уже осознал начало новой эры в истории России и, самое главное, некоторую запоздалость своих оценок. Вот почему он так начинает предисловие к сборнику: «С горьким чувством перечитывал я страницы сборника статей, написанных за время войны до революции. Великой России уже нет, и нет стоявших перед ней мировых задач... Все переходит в совершенно иное измерение. Те оценки, которые я применял в своих опытах, я считаю внутренне верными, но неприменимыми уже к современным событиям. Все изменилось вокруг в мире, и нужны уже новые реакции живого духа на все совершающееся».

В «Судьбе России» Бердяев уже неоднократно и уверенно употребляет понятие «русская идея», причем в самом разнообразном контексте. Но главный из них — уже определился: Россия имеет некоторую миссию по отношению к Европе, причем не просто абстрактную миссию «спасения» и избранности, но конкретную — связанную с уже тогда предощущаемой Бердяевым мировой войной. «Темные разрушительные силы, убивающие нашу родину, все свои надежды основывают на том, что во всем мире произойдет страшный катаклизм и будут разрушены основы христианской культуры. Силы эти спекулируют на мировой войне, и не так уж ошибочны их ожидания... Жизнь народов Европы будет отброшена к элементарному, ей грозит варваризация». И далее: «Россия призвана быть освободительницей народов. Эта миссия заложена в ее особенном духе. И справедливость мировых задач России предопределена уже духовными силами истории. Эта миссия России выявляется в нынешнюю войну. Россия не имеет корыстных стремлений».

Эту особенную роль России Бердяев, всячески интерпретируя, в конечном итоге, не связывал с ощущением особенной национальной исключительности русских. Более того, он считал, что отсутствие чувства обостренного национализма

у русского человека и есть его преимущественная, поразительная наднациональность. «Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, наклонности насильственной русификации. Русский не выдвигается, не выставляется, не презирает других. В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам. Русская интеллигенция всегда с отвращением относилась к национализму и гнушалась им...»

Но именно в этой книге почувствовались уже противоречия в самом представлении Бердяева о русской душе и о «русской идее». Призывы его к тому, чтобы русский народ имел свою идею, перестроился идейно и духовно, а не только экономически, общественно и государственно, имели некоторую умозрительную навязываемость, особенно когда он пытался «внедрить» идею тем, кто, по его же словам, имел «нелюбовь к идеям и равнодушие к идеям» [3].

Так есть эта «идея» или ее нет? Существует она или ее еще нужно занять?

Бердяев от книги к книге, от работы к работе по многу раз проговаривает эту тему, словно бы спорит сам с собой. Постепенно, исподволь он приходит к видению «русской идеи» в чем-то, что он называет «третьим». А именно: не в западничестве и не в славянофильстве, не в Востоке и не в Западе, не в национализме и не в космополитизме. Не в том и не в этом. А — в «третьем».

«Чтобы понять эту тайну (тайну русской души. — *Прим. авт.*), нужно быть в чем-то третьем, нужно вознестись над противоположностью двух начал — восточного и западного».

Но что это — «третье»?

В конечном итоге, можно сказать, что Бердяев выдвигает идею «примера», идею «русского примера», того самого примера, который Россия, жертвуя собой, должна подать всему человечеству при преобразении мировой жизни и переходе ее в новое общественное христианское состояние, называемое им, как уже говорилось, «Новым Средневековьем». Образно говоря, Бердяев, вослед за некоторыми своими предшественниками, стремился выразить идею не вечернего света, который укажет Европе путь в предстоящем сумраке и который исходит из окна, с таким упорством прорубленного когда-то Петром Великим.

Если спросить француза, что такое «французская идея», то он наверняка кое-что скажет по этому поводу. То же и англичанин, и итальянец, и американец. Но ни у кого разговор этот не вызовет какого-то особенного возбуждения, волнения, душевного напряжения, что ли.

Однако когда речь заходит о «русской идее», тема приобретает некоторую остроту. Дело, видимо, в том, что «русская идея», по мнению тех, кто признает ее существование, имеет «международное» значение, т. е. как бы претендует и покушается на суверенитет идей других народов.

Из этого вырастает боязнь.

Рождаются кривотолки.

«Русский мессианизм» становится притчей во языцех, и им, как и русскими ядерными боеголовками, пугают детей от рождения.

Только еще один народ, по убеждению Бердяева (и не только его, но и многих предшественников и последователей), — еврейский имеет подобную «всемирную идею» и ощущает свою «всемирную роль». По этой самой причине, читаем мы, взаимосуществование и взаимопонимание еврейского и русского мессианизма происходят наиболее трудно, наиболее обостренно.

«Германская идея», пытавшаяся в XX столетии занять силой положение «мировой», потерпела крах. «Русская идея» никогда не проповедовала силу, потому и казалась сильной. Однако, не обладая необходимой изворотливостью, «русская идея» порой встречала непонимание и противодействие. Обвинения в русификации идей других, в частности близ проживающих народов, которые в свое время сами жаждали вкушения от этого источника бесценной мировой питательной энергии, были явно незаслуженными, ведь Россия всегда принимала на себя наиболее сильные удары самых модных по изобретению и самых мощных по разрушительной силе «суперспасительных» для человечества «новых идей».

Россия обладала особенным духовным единством, имеющим исторические корни. Ведь, к примеру, европейские страны объединены одной Римской католической церковью (протестантизм — явление, также связанное с существованием Римской церкви). И хотя Ватикан находится на территории Аппенинского полуострова — вряд ли можно говорить, что в качестве особенной существует итальянская

религиозная мессианская идея. Потому и «идея» католичества, если можно так сказать, была надмирна, не связывалась с каким-либо одним народом.

В лице России христианский мир имел опыт уникального единства церкви и народа, обладающего крепкой государственностью, увлеченных одним жизнетворческим порывом. Именно в этом духовном единстве, ощущаемом Западом, как стук сердца крепкого живого организма, раздающийся с Востока, откуда приходит ежедневный рассвет и который напоминает стук часов и ритм человеческой истории, именно в этом единстве искали некую «сверхидею», порой выдавая желаемое за действительное.

Вот почему самое парадоксальное состоит еще и в том, что «мысль изреченная есть ложь». Попытки определить неопределимое есть лишь желание приклеить приметный ориентир на стеклянной двери, чтобы не разбить случайно ее саму или об нее — голову. Существует ли сама «русская идея»? Не является ли попытка создания идеи «идеи» желанием хоть как-то определить неопределимое и в некотором роде изречь ту «неизреченность», которая явственно присутствует в судьбе русского народа?

Поразительно и само стремление отыскать «идею». И даже если ее нет, то, по мнению того же Бердяева, она должна быть, ибо «русская мысль, русские искания начала XIX в. и начала XX в. свидетельствуют о существовании русской идеи, которая соответствует характеру и призванию русского народа».

Благая Весть, данная европейской культуре, пришла как бы извне. Но христианство требовало и ответного духовного движения — встречного, благой вести изнутри, личной, собственной вести каждого, со-вести, совести. Россия — одна из немногих стран, которая предлагала Европе поступать «по совести», «по правде», а не только «по закону», «по праву». Мессианизм России существует только в христианском смысле. Отнимите от России христианство — и не останется ничего, ни «русской идеи», ни ее, по Бердяеву, «умопостигаемого образа».

Быть может, Бердяев пытался изречь неизреченное, когда писал о «русской идее», в очередной раз употребив термин, который одновременно и в разном, и в едином (как это ни странно) значении употребляли его предшественники. Он не был автором термина, как это

незаслуженно ему приписывают (см. дискуссию «Русская идея: проблемы культуры — проблемы кинематографа» в журнале «Искусство кино», 1988, № 6). До него точно также назвал свою небольшую книгу В. Соловьев, выпустивший ее в Париже в 1888 г. после доклада для кружка лиц, интересовавшихся этими вопросами (русское издание — 1911), а ранее «ввел» этот «термин» Достоевский.

Напоминая еще раз о важности духовного, Соловьев писал: «Одним телом своим и чисто материальной работой Россия не может выполнить своей исторической миссии и выявить свою истинную национальную идею. А как ей выявиться, этой бедной русской идее, когда она заточена в тесную тюрьму, лишена воздуха и света...» Актуальное тогда оказалось актуальным и сегодня, иначе не расценить его же слова: «Религиозное и умственное освобождение России есть в настоящую минуту для нашего правительства дело такой же настоятельной необходимости, каким тридцать лет тому назад являлось освобождение крепостных...». «Исторический долг России», по мнению Соловьева, имеет отношение к духовной истории всех народов мира. Для Соловьева мессианство «русской идеи» еще не было столь политизированным, как для мысли XX в., для Бердяева. «В том, что эта идея, — писал Соловьев, — не имеет в себе ничего исключительного и партикуляристического, что она представляет лишь новый аспект самой христианской идеи, что для осуществления этого национального призвания нам не нужно действовать против других наций, но с ними и для них — в этом лежит великое доказательство, что эта идея есть идея истинная» [4, с. 31, 32, 51].

Однако и В. Соловьев не родоначальник идеи «идеи». Об этом говорил уже и Чаадаев. «У меня есть глубокое убеждение, — писал он, — что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество». «Словом, Чаадаев проникается русской мессианской идеей», — подытоживает Бердяев.

Недаром именно этих двух мыслителей он ставил в особый ряд, когда писал: «В русской религиозной мысли исключение представляли лишь Чаадаев и Вл. Соловьев». Бердяев имел в виду, что они наиболее сильно оторвались от своих современников в сфере «идеи», тогда как

другие порой «с вершины духовной падали вниз, припадали к земле, искали спасения в стихийной народной мудрости» [3, с. 84].

«Идея» — понятие больше философское, «от ума», нежели чисто духовное. Этимология его определенная — «видение» или «ведение», упрощенно говоря — «знание». У родоначальника «концепции» «Москвы — Третьего Рима» игумена псковского Елеазарова монастыря Филофея, жившего в XVI веке, мы этого понятия не найдем. Духовное, церковное и православное еще не значилось «идеями», а было жизнью, «деланием». Бердяеву было близко это понятие, ибо, черпая свою мысль первоначально в марксизме, он весь принадлежал новой эпохе, эпохе глубочайшего столкновения философских школ, сопряженного с историческими переменами в действительной жизни многих народов.

Бердяева интересовал «вопрос о том, что замыслил Творец о России». Он хочет постичь тайну творения, проникнуть в Божественный Замысел. Но то, что он пишет, — и есть его, бердяевская «идея России», его, бердяевская «русская идея». Ибо если Творец и создавал, то не идею о народе, а народ, не идею о человеке, а человека. Можно сказать так: идея интересует в первую очередь философа, Бога интересует прежде всего — человек. Потому и идея «русской идеи» интересовала в первую очередь самого автора.

Бердяев и этого не отрицал. Он всегда соглашался с противоречиями в своем творчестве: «Мое мирозерцание многопланово и, может быть, от этой многоплановости меня обвиняют в противоречиях. В моей философии есть противоречия, которые вызываются самым ее существом и которые не могут и не должны быть устранены» («Самопознание»).

Бердяев познавал Россию своеобразно, в некотором роде умозрительным путем. С самого детства, когда он рос в атмосфере негостеприимного и замкнутого от посторонних людей дома, стремился в область мечтаний и иллюзий, подальше от действительности, представляющей ему еще более мрачной, нежели сама обстановка дома, в семье. Он сам писал многократно, что считает себя принадлежащим к другому миру, но не к обыденной реальности. «Я никогда не достиг равновесия между мечтой и действительностью. С этим связана дисгармоничность моей жизни», — исповедуется он в конце жизни.

Россия была ему нужна. Она была в нем, и он был в ней. Он проживал вместе с нею самые тяжелые и трудные дни. Но он познавал ее по-своему, если не эмпирически, то мысленно, через «идею».

Если В. Соловьев употребил термин «русская идея» для того, чтобы европейскому читателю легче было понять суть философско-политической концепции православной мысли, то Бердяев назвал свою книгу так же, может быть, для собственного осознания процесса развития русской мысли в новую и новейшую исторические эпохи и одновременно осознания себя в этом процессе. Они оба писали книги для европейцев. А для этого и использовали «доступный» заголовок. Интересно, назвали бы они так же свои работы, если бы они предназначались исключительно для русского читателя, причем не столичного, а провинциального? Вот почему можно отметить существование некоего феномена «отталкивания», когда эти книги начинает изучать русский читатель. Если европейский читатель увлекается «русской идеей», он любопытствует о ней, то читатель русский — ищет в ней смысла и, в конечном итоге... недоумевает. Но и западный читатель «недолюбливает» сию тему. За редким исключением, но почти во всех работах о Бердяеве и его творчестве, выпущенных в Европе и Америке, проблеме «русской идеи» в его осмыслении отводится два–три предложения (!), если вообще отводится. Книга Полторацкого «Россия и Запад» — единственное исключение.

В детстве у Бердяева была любимая кукла — «князь Андрей», герой толстовского романа «Война и мир». Он так любил эту куклу, что общался с ней, и она долгие годы заменяла ему настоящих живых друзей. Идея «идеи» — тоже подобие «куклы». Размышления о «русском» и о «русском мессианизме» у Бердяева зачастую умозрительны и мало имеют отношения к настоящим проблемам самих «носителей идеи».

Подспудное желание написать исследование через себя и для себя подсказывает одну из разгадок бердяевского замысла «Русской идеи», ведь недаром он в собственной книге по истории русской философии (книге отнюдь не биографического жанра) отводит место рассказу и о себе, ставит и себя в один ряд с предшествующими столпами русской мысли. Еще никто не определил ему этого места. Еще не вышли труды по истории русской религиозной философии,

такие, как издания работ В. Зеньковского или Н. Лосского, однако он спешит сам себе отвести место в этой цепи.

Самоуверенно? Да. Вызывающе? Как ни странно — нет. В чисто человеческой, в достаточной степени искренней и понятной, саморазоблачительной и самоаналитической интонации его голоса трудно усмотреть желание увековечить себя, а скорее отмечается естественное желание познать через себя весь неисчислимый пласт религиозно-философского наследия, облаченного в вуаль загадочности не только для Европы и для него самого, но и для самой России, отвергшей, не знавшей и не желавшей знать его, Бердяева, в те времена.

Размышления о «русской идее» потребовали от автора немалого напряжения сил. Недавно была закончена книга «Истоки и смысл русского коммунизма», которая вынудила «много перечитать по русской истории XIX века». Таким образом, ретроспективный взгляд обострил и взгляд на современность.

Бердяев любил цитировать слова Вл. Соловьева: «... русская интеллигенция всегда мыслит странным силлогизмом: человек произошел от обезьяны, следовательно, мы должны любить друг друга». Но и сам он не избежал этого «вируса силлогизма».

Когда он погружается, в частности, в «Русскую идею» в русскую историю «до Чаадаева», то есть до XIX века, — недоговоренностей и противоречий становится все больше. Он размышляет о многосотлетнем периоде развития народа и государства и в самом деле как дилетант. Он не разобрался, а потому и не принял для себя влияния на Русь Византии и создания славянской азбуки Кириллом и Мефодием, он говорит о «безмыслии и безмолвии допетровской России» и удушливости «азиатско-татарского» (?) московского периода, как будто об этом никто толком не писал. Эта часть его повествования намеренно кратка и поверхностна, и составлена лишь для выявления упомянутой идеи «идеи».

Но как только Бердяев доходит до петровских времен, то есть до эпохи, ему близкой и понятной, оперирующей категориями, ему вполне доступными, так мысль его начинает пульсировать, идеи и ассоциации вспыхивают, словно искры. Ему ближе представление о том, что творческий потенциал русского народа раскрылся именно в петербургский период истории (т.е.

послепетровский), ибо ранее была «боязнь просвещения».

Рассуждения о становлении русской интеллигенции также весьма обрывочны. Бердяев, как и многие, кто пытался разобраться в этом вопросе, так и не определяет — а что же это такое, кто это — русский интеллигент. У него сначала первым интеллигентом в России назван Новиков, затем вдруг оказывается, что интеллигенция возникла и могла возникнуть только после Пушкина. Но и это не итог. Еще одна версия — родоначальник русской интеллигенции Радищев.

Истоки философской мысли в России для Бердяева имеют расплывчатые очертания. Выясняется, что первым философом в России, не склонной, по словам автора, к философии, был... Шварц, мистик, масон, действовавший в конце XVIII в. Даже если принять это утверждение как аксиому, закрыв глаза на работы Ломоносова, Сквороды, Болотова и некоторых их предшественников, то опровержение этому найдется у самого же Бердяева, который вдруг чуть дальше по ходу повествования утверждает, что русскому народу вообще свойственно философствовать.

Поспешен и его вывод о том, что «никакого русского богословия не было, оно лишь начинается с Хомякова», так как совершенно аналогично можно утверждать, что не было никакого голландского, английского или испанского богословия.

Умозрительны рассуждения Бердяева о семейственности русских, которая почему-то им отрицается. Но тут же он пишет: «Славянофилы очень семейственные, родовые люди». Но ведь славянофилы — лишь мизерная часть высшего общества России XIX в.! Откуда же взялась их семейственность и родовитость? И куда вдруг делась общинная и усадебная культура русского крестьянства и дворянства, существовавшая на протяжении многих столетий?!

Однако не ради полемизирования с Бердяевым приводим мы примеры его «недоведенных» высказываний. Важно осознание того, что он сам находился в состоянии неопределенности и поиска, и это состояние словно бы передает читателю.

Представляют наибольший интерес его рассуждений о славянофилах и западниках, когда он приходит к выводу: «И те и другие любили

свободу. И те и другие любили Россию, славянофилы, как мать, западники, как дитя». Важно, что «славянофилы не были врагами и ненавистниками Западной. Европы», что Бердяев цитирует Достоевского, который писал: «Никогда вы» господя, наши европейцы и западники столь не любили Европу, сколь мы, мечтатели-славянофилы, по-вашему исконные враги ее», и что, наконец, по мнению Бердяева, «славянофилы и западники одинаково подлежат преодолению, но оба направления войдут в русскую идею, как и всегда бывает в творческом преодолении».

Также в книге «Царство Духа и Царство кесаря», над которой он работал до последней минуты и над рукописью которой скончался, Бердяев пытается словно бы вновь обобщить и пересказать уже сказанное. Стилистические неровности в тексте стали выражением интонации самого философа, а что как не эта естественная интонация дороже всего современному человеку сегодня, ведь мы привыкли лишь к «выверенным» и выхолощенным текстам с отработанными формулировками.

В своей последней книге Бердяев размышляет о настоящем и будущем общества, в котором мы живем. Судьба современной России продолжает интересовать его в первую очередь. Много, очень многое он предопределял и предугадывал. Например, о бюрократии: «Самой мучительной проблемой в социализме является проблема свободы. Как соединить проблемы хлеба для всех людей, от которой зависит сама жизнь людей, со свободой, от которой зависит достоинство людей?.. Не будет греховных форм эксплуатации человека человеком, не будет классов в том смысле, в каком они созданы капиталистическим строем. Но образуется новый, привилегированный правящий слой, новая бюрократия, та, что теперь называется «организаторы».

Или еще — о революции и культуре, о положительных чертах русского человека: «Революционность определяется радикальным уничтожением прошлого. Но это иллюзия революции. Яростное уничтожение прошлого есть как раз прошлое, а не грядущее. Уничтожить можно лишь прогнившее, изолгавшееся и дурное прошлое. Но нельзя уничтожить вечноценного, подлинного в прошлом... Наиболее положительные черты русского человека, обнаружившиеся в революции и войне, необыкновенная жертвенность, выносливость к страданию, дух

коммюнитарности, — есть черты христианские, выработанные христианством в русском народе, то есть прошлым».

Впрочем, цитировать можно всю книгу. Но еще лучше — ее прочитать. Терпеливо. Со вниманием.

Олдос Хаксли когда-то взял эпитафией к своему роману «О дивный новый мир» слова Бердяева, почему-то выпавшие из некоторых изданий последних лет: «Утопии, к несчастью, осуществимы. И, может быть, настанет время, когда человечество будет ломать себе голову над тем, как избавиться от утопий».

И в самом деле, если Бердяев сам стремился к «Новому Средневековью», в чем-то утопической стране будущего, то, во всяком случае, делал это, максимально заостряя внимание на проблемах насущных, повседневных, духовно важных для каждого человека. Именно потому он всегда выделялся среди своих известных современников-философов. «На чисто философских весах некоторые современные русские философы весят больше Бердяева; так Лосский и Франк имеют больше чисто философских заслуг, чем Бердяев, о. Павел Флоренский превосходит его высотой религиозно-философских прозрений, а о. Сергей Булгаков выше его в богословском отношении. Но в Бердяеве есть, по крайней мере, одна черта, которая выделяет его из других: он был философом пророческого, пророческого духа, он был в высшей степени чуток к болезням века сего... [5, с. 137].

Сам себя он называл «верующим вольнодумцем». Профессор Дональд Лоури, написавший о нем прекрасную книгу и знавший Бердяева лично, охарактеризовал его как «мятежного пророка». Еще один профессор — Матвей Спинка, также автор книги о философе — называл его «пленником свободы», в отличие от М. Валлона, озаглавившего свою книгу «Апостол свободы». Еще, когда речь шла о его отношении к свободе и его свободолюбии, Бердяева отмечали «фанатиком».

Запад долгое время изучал Россию «по Бердяеву». Ибо в чем-то он был «над» многими важнейшими вопросами. Для Советской России он был неприемлем, но и для эмиграции — не свой, особенно в конце жизни. «Он был нетерпим к малейшему проявлению лжи, раболепия или компромисса... Испытав на себе принудительное равенство, введенное в России, он написал

блестящее его опровержение, книгу «Философия неравенства». Оказавшись в среде русской эмиграции, Бердяев выступил против огульного осуждения коммунизма и сыскал себе в глазах реакционеров репутацию «красного философа» [6, с. 168–169].

А это писал он сам:

«Борьба за свободу, которую я вел всю жизнь, была самым положительным и ценным в моей жизни... Все столкновения с людьми и направлениями происходили у меня из-за свободы».

«Я постоянно слышу, что у меня «мировое имя»... Я очень известен в Европе и Америке, даже в Азии и Австралии, переведен на много языков, обо мне много писали. Есть только одна страна, в которой меня почти не знают, — это моя Родина...»

В самом деле, библиография работ Бердяева постоянно уточняется.

Н.А. Бердяев давно ушел из жизни. Книги его изданы на многих языках. Десятки книг, сотни статей и публикаций. В Париже существует центр его имени, а в Москве — музей. Многие исследователи занимаются изучением его наследия. По данным собрания его сочинений, которое было выпущено в Париже, число его статей, публикаций и книг достигает 483 наименований, он переведен на 20 языков мира.

«Русская идея» в период перестройки и Ельцина овладела умами многих. Однако к началу XXI в., вдруг, почему-то стала почти неинтересной. Другие, более материальные заботы завладели умами. А редкие и тихие «голоса» некоторых мыслителей стали вовсе не слышны во всеобщем сонме пустых политических лозунгов.

После Бердяева «русская идея» приняла более социально-политическую «окраску», нежели духовно-философскую. Например, книга А. Янова «Русская идея и 2000-й год» уже вся проникнута исключительно политикой.

Жизнь продолжается. Произведения Бердяева понемногу издаются и переиздаются. И мы ясно видим, что темы, затронутые им, — важны и актуальны по сей день. В последнее время к работам философа ощущается новый интерес, включая и руководство России.

Творческое, но не пассивное отношение к его наследию — то, о чем автор мог лишь мечтать, ибо упреждал о своей собственной «погрешимости»:

«В сущности, никакая из написанных мною книг меня не удовлетворяет, никакая не выражает вполне... Мысль необходимо изрекать, человек должен совершать этот акт, но в известном смысле остается верным, что «мысль изреченная есть ложь...»

Литература

1. *Lowrie D.* *Rebellious Prophet. A Life of Nicolai Berdyaev.* N. Y., 1960.
2. *Зеньковский В.* Русские мыслители и Европа. Париж, 1955. 281 с.
3. *Бердяев Н.* Об отношении русских к идеям / Судьба России. М., 1918.
4. *Соловьев В.С.* Русская идея. М.: Путь, 1911.
5. *Левицкий С.А.* Очерки по истории русской философской и общественной мысли. Франкфурт-на-Майне, 1981.
6. *Зернов Н.* Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1974.